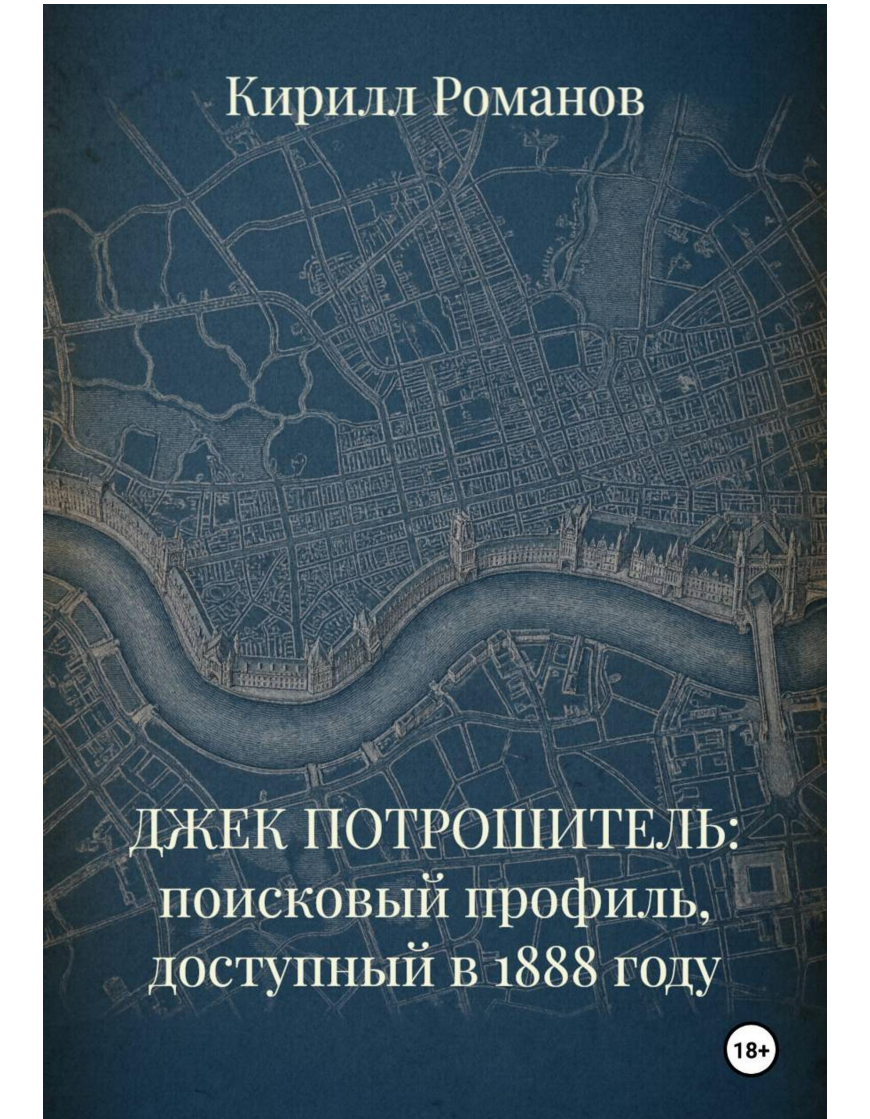

Кирилл Романов

ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ:
поисковый профиль,
доступный в 1888 году

18+

Кирилл Романов
ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ:
поисковый профиль,
доступный в 1888 году

*<https://litres.ru/74639608>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что, если профиль Джека Потрошителя, способный сузить круг подозреваемых до единиц, можно было построить в викторианском Лондоне в 1888 году без ДНК и компьютеров?

Исследование доказывает: да. Опираясь на негативные доказательства, материальный портрет, морфологию и топографию, автор строит поисковый профиль — дедуктивную реконструкцию, отсеивающую тех, кто не мог совершить серию. Круг сужается от 80 000 жителей Уайтчепела до единиц.

Сравнение с рапортом хирурга Томаса Бонда (1888) подтверждает верность профиля. Он не требует специальных знаний или интуиции, а требует логики и системности. Именно этого не хватило полиции тогда — и не хватает сегодня.

Книга для специалистов по криминалистике, криминальной психологии и истории. Это не юридическая идентификация, а демонстрация материального этапа метода А. О. Бухановского.

Психиатрическое объяснение мотивации — во второй книге трилогии.

Об авторе:

Кирилл Романов — независимый исследователь.

ORCID: 0009-0006-0578-5814

Содержание

Введение	5
Глава 1. Проблема профайлинга: специальные знания, которые невозможно проверить	13
Глава 2. Дело Потрошителя как уникальная лаборатория	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Кирилл Романов

ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ:

поисковый профиль, доступный в 1888 году

Введение

Убийства в Уайтчепеле 1888 года, приписываемые неизвестному преступнику, вошедшему в историю под условным именем «Джек Потрошитель», остаются одним из наиболее документированных и одновременно наименее раскрытых уголовных дел. С процессуальной точки зрения дело не закрыто, однако судебное разбирательство по нему невозможно в принципе: все фигуранты умерли, прямые доказательства отсутствуют. Это не пробел в расследовании, а юридическая определённость: суда не будет, и никакое новое свидетельство этого не изменит. Материалы расследования сохранились, но процессуальная фигура обвиняемого так и не возникла. Дело может существовать без обвиняемого — именно это и произошло в Уайтчепеле.

За более чем столетие историографии было предложено множество версий — от бытовых до конспирологиче-

ских. Ни одна из них не обладает достаточной объяснительной силой, чтобы быть принятой в качестве окончательной. Большинство страдает от методологической нестрогости и опоры на косвенные данные, интерпретируемые тенденциозно. В массовом сознании, литературе, кинематографе и медиа уайтчепельское дело продолжает функционировать как устойчивый культурный феномен: оно обросло множеством спекулятивных интерпретаций и превратилось в объект массовой культуры, коммерциализации и мифотворчества. Фактический материал нередко уступает место нарративным конструкциям, в которых преступник выступает не столько объектом криминалистического анализа, сколько персонажем с чертами антигероя.

Настоящая работа исходит из предпосылки, что уайтчепельское дело — при всей его медийной насыщенности — может быть проанализировано с применением инструментария современной криминалистической психологии. Однако это требует решения методологической проблемы, которая лежит в основе всей традиции профайлинга: специальные знания, которыми оперирует профайлер — клинический опыт, интуиция, «чутьё», — невозможно проверить внешним образом. Профиль, построенный на таких основаниях, функционирует как экспертиза без критериев экспертизы: он либо принимается на веру, либо отвергается, но не может быть проверен процедурно.

Уайтчепельское дело предоставляет редкую возможность

проверки. Оно содержит две независимые исторические точки анализа, разделённые столетием, — рапорт доктора Томаса Бонда (1888) и профиль Джона Дугласа (1988), — к которым добавляется третья: реконструкция, выполненная в настоящей работе с использованием подхода А.О. Бухановского. Первые две точки независимы от настоящей работы; третья представляет собой её собственный результат. Сопоставление всех трёх позволяет выявить расхождения и оценить устойчивость реконструкции, хотя и не доказывает её правильность.

Исследовательская позиция

Исследовательская позиция автора является внешней по отношению к англо-американской историографической традиции. Это позволяет минимизировать влияние национальных культурных фильтров и коммерчески мотивированных нарративов, доминирующих в популярной литературе по данному делу. Отсутствие доступа к первичным архивам компенсируется опорой на фундаментальные исторические труды (Сагден, Рамбелоу, Бегг, Войчак), признанные в качестве основных работ по делу. Такая позиция не исключает работы с англоязычными источниками, но снижает степень вовлечённости в локальные нарративные традиции и конспирологические версии.

Связь дела с Россией не ограничивается исследователь-

ской позицией автора. В официальных полицейских документах фигурируют трое подозреваемых, являвшихся подданными Российской империи: Аарон Космински, польско-еврейский эмигрант и парикмахер; Джордж Чепмен (Северин Клосовский), польский эмигрант, впоследствии осуждённый за отравления и казнённый в 1903 году; и Михаил Острог, впоследствии исключённый из числа подозреваемых на основании алиби. Принадлежность этих лиц к восточно-европейской диаспоре отражалась на их языковых навыках, образовании и социальных паттернах, что имеет прямое отношение к лингвистическому анализу письменных источников и к реконструкции социального поведения кандидатов.

Методологическая рамка

В основе работы лежит разграничение двух уровней анализа, которые в традиционном профайлинге смешиваются. Первый — поисковый профиль: реконструкция необходимых условий, которым должен соответствовать неизвестный преступник, чтобы совершить серию и остаться неразоблачённым. Он строится на объективных данных — характере повреждений, топографии, материальных условиях, негативных доказательствах — и работает как фильтр: проверяет материальную возможность, а не психологическое правдоподобие. Второй — психологическое объяснение: реконструкция мотивационной структуры и личностных характе-

ристик преступника, опирающаяся на клинические методы и эмпирические обобщения. Оно объясняет, почему преступник действовал именно так, но не является инструментом отсева.

Разделение этих уровней — ключевое методологическое решение работы. Оно позволяет построить профиль, который поддаётся верификации: каждый параметр поискового профиля основан на документально зафиксированных данных и может быть проверен независимо. Психологическое объяснение при этом сохраняет статус интерпретации — оно не претендует на роль критерия отбора.

Рапорт доктора Томаса Бонда (1888) предвосхищает принцип, лежащий в основе обеих традиций, но не методологию. Бонд установил, что поведение на месте преступления отражает личностные характеристики; это общая посылка профайлинга. Разделение уровней он не проводил — он их смешивал. Использование двух методологических традиций — российской (Бухановский) и американской (Дуглас) — позволяет сопоставить результаты, полученные на разных основаниях. Сопоставление выявляет как совпадения, так и расхождения; совпадения повышают доверие к реконструкции, расхождения указывают на её границы. Ни то, ни другое не доказывает правильность реконструкции: оба метода применяются к одному и тому же материалу, и согласованность результатов может объясняться общностью исходных данных, а не валидностью методов.

Исследовательская стратегия руководствуется принципом методологической экономии (бритва Оккама): среди конкурирующих объяснений предпочтение отдаётся тому, которое требует наименьшего числа дополнительных допущений и объясняет максимальное число известных фактов. В работе используется терминологическое разграничение между понятиями «подозреваемый» (юридический статус, предполагающий наличие улики) и «кандидат» (фигура, соответствующая реконструированному профилю и подлежащая проверке).

Этическое ограничение

Настоящее исследование не обвиняет никого. Оно проверяет гипотезу. Различие между этими двумя актами принципиально. Обвинение — это утверждение виновности, адресованное конкретному лицу, которое может быть привлечено к ответственности. Проверка гипотезы — это сопоставление реконструированного профиля с биографическими данными, результатом которого может быть как подтверждение, так и опровержение.

Это различие имеет не только логический, но и этический смысл. Все основные фигуранты дела — как подозреваемые, фигурировавшие в полицейских материалах, так и персонажи спекулятивных версий — давно умерли. Они не могут защищаться, не могут представить алиби, не могут опроверг-

нуть обвинения. В отличие от живого человека, который может подать в суд за диффамацию, мёртвый лишён всякой правовой защиты. Это накладывает на исследователя особую ответственность: бездоказательное обвинение мёртвого — не научная гипотеза, а акт, наносящий ущерб памяти человека и его потомкам.

В настоящей работе это ограничение реализуется через несколько методологических решений. Никто не называется виновным: кандидаты рассматриваются как фигуры, соответствующие или не соответствующие реконструированному профилю. Формулируются условия фальсификации гипотезы. Признаются ограничения, включая ошибку выжившего. Проводится разграничение между верифицируемыми данными и спекулятивными реконструкциями, последним отказывается в статусе криминалистического анализа.

Новизна

Новизна работы не в том, что она предлагает очередную версию. Новизна в том, что она демонстрирует: принцип поискового профиля был доступен в 1888 году, хотя методологии не было. Для его применения не требовались ни дактилоскопия, ни судебная фотография, ни молекулярно-генетическая экспертиза. Требовались данные и систематичность. Данные были: коронерские отчёты, карты, демография, свидетельские показания. Систематичности не было: полиция

искала «зверя» или «гения», а третьего варианта — социально незаметного человека, не соответствующего ни одному из этих образов, — в её распоряжении не было.

Структура работы

Настоящая книга состоит из четырёх частей. Первая ставит проблему профайлинга и обосновывает возможность поискового профиля в 1888 году. Вторая представляет кейс: среду Уайтчепела, системные ошибки расследования, хронику пяти канонических убийств, морфологический и топографический анализ. Третья посвящена письмам и медийному дискурсу. Четвёртая — материальной реконструкции и синтезу: гигиеническому аспекту, инструментарию, социальной незаметности, материальному портрету преступника, негативным доказательствам и построению поискового профиля.

Книга завершается построением поискового профиля и его проверкой на селективность. Вопрос о том, кто именно соответствует этому профилю, остаётся открытым — его решение составляет предмет следующей книги.

Глава 1. Проблема профайлинга: специальные знания, которые невозможно проверить

1.1. Знание, которое нельзя проверить

Профайлинг претендует на реконструкцию характеристик неизвестного преступника по следам его поведения: по выбору жертвы, способу действия, характеру повреждений, топографии мест преступлений. Претензия предполагает, что за поведением стоит устойчивая структура личности, доступная квалифицированному специалисту.

Этому знанию присуща особенность, отличающая его от большинства экспертных областей: до момента идентификации преступника не существует независимой процедуры проверки профиля как целого. Врач подтверждает диагноз анализами, инженер — расчётом, криминалист — экспертизой; профайлер не располагает иным подтверждением, кроме последующей идентификации.

Профиль при этом не является полностью непроверяемым. Различаются два уровня проверки. Отдельные параметры проверяемы и до идентификации: если профиль

утверждает, что преступник имел доступ к частному помещению с водой, можно установить, какие категории жителей Уайтчепела располагали таким доступом. Но проверка компонентов не подтверждает профиль в целом. Целое проверяется только ретроспективно — после установления личности — и такая проверка уязвима для ретроспективной подгонки: исследователь, зная результат, неосознанно интерпретирует данные в пользу известного ответа. Она подтверждает совместимость, но не предсказательную силу.

Отсюда парадокс профайлинга: чем более специфическим знанием обладает специалист, тем труднее проверить его выводы. Интуиция и клинический опыт не передаются, не воспроизводятся и не опровергаются независимым исследователем. Профиль, построенный на таких основаниях, функционирует как экспертиза без критериев экспертизы. Практическое следствие состоит в том, что профайлинг оказывается уязвим для двух противоположных искажений: некритического принятия выводов авторитетного специалиста и столь же некритического отвержения любых выводов, поскольку критерии их оценки отсутствуют.

1.2. Три подхода и их ограничения

Предмет главы — качественная реконструкция характеристик преступника по поведенческим следам. Реконструкция понимается в двух смыслах: в сильном — как рекон-

струкция личности, включая мотивационную структуру; в слабом — как реконструкция поведенческих характеристик без объяснения мотивации. В сильном смысле профайлер не только описывает, как действовал преступник, но и объясняет, почему. В слабом — описывает, как, но не объясняет, почему. Оба типа отличаются от вероятностной оценки, которая отвечает на вопрос «насколько вероятно, что преступник обладает признаком X», но не реконструирует характеристики.

Ниже — три исторически влиятельных подхода, представляющих качественную реконструкцию: клинический (Бонд), эмпирико-статистический (Дуглас) и психиатрический (Бухановский). За их пределами остаются актуарные, байесовские и геопространственные методы: первые два дают вероятностную оценку, третий описывает пространственное поведение. Это иной тип вывода, и потому их включение не изменило бы постановку вопроса.

Три выбранных подхода дают качественную реконструкцию, но по-разному. Бухановский реконструирует личность в сильном смысле, включая мотивацию. Дуглас — в слабом, через поведенческие характеристики. Бонд не реконструирует мотивационную структуру, а приписывает мотив через доступную ему медицинскую лексику; его попытка объяснения не опирается на клиническую рамку и смешивает описание с объяснением. Бонд, таким образом, находится до методологии, тогда как Бухановский и Дуглас представляют

две методологические стратегии — объяснительную и описательную.

Терминологическое уточнение: «объяснение» в настоящей работе охватывает и интерпретацию — приписывание мотива, клиническую реконструкцию, построение объяснительной модели. Поэтому формулировка «смешивает описание с объяснением» покрывает и случаи, когда смешение происходит через интерпретацию.

1.2.1. Бонд: клиническое наблюдение без психиатрии

Рапорт доктора Томаса Бонда, датированный 10 ноября 1888 года, представляет собой один из первых документированных случаев психологического профилирования. Бонд занимал должность полицейского хирурга, лично осмотрел тело последней жертвы и изучил записи вскрытий предыдущих жертв. Его рапорт является не судебно-медицинским заключением в узком смысле, а попыткой реконструкции личности неизвестного преступника на основе поведенческих и патолого-анатомических данных.

Сильная сторона подхода состоит в клиническом наблюдении. Бонд исследовал раны и делал выводы как практик. Его заключение об отсутствии у убийцы хирургических и мясницких навыков было основано на непосредственном анализе повреждений, а не на спекуляциях; оно позволило

опровергнуть распространённые в то время гипотезы о профессиональном хирурге или мяснике.

Ограничение подхода заключается в отсутствии психиатрической рамки в сочетании с приписыванием мотива. Бонд был хирургом, а не психиатром, и его портрет представляет собой описание поведенческих характеристик, а не клиническую диагностику. При этом он не ограничивался описанием: он использовал термины викторианской медицины («эротическая мания», «сатириазис»), приписывающие поведению мотив, выразимый в медицинской лексике его эпохи. Описание и объяснение не разведены, а объяснение предъявлено в терминах, которые не поддаются проверке независимо от клинической школы.

Таким образом, Бонд даёт клиническое наблюдение, но не методологию. Его профиль ценен как исторический прецедент и источник данных о повреждениях, но не как инструмент отсева.

1.2.2. Дуглас: статистика без объяснения

Профиль Джона Дугласа, составленный в 1988 году, представляет принципиально иной подход. Дуглас — специальный агент ФБР, один из основателей Подразделения поведенческих наук — опирался не на клиническое наблюдение, а на эмпирическое обобщение: интервью с осуждёнными серийными убийцами и систематизацию их поведенче-

ских паттернов.

Метод основан на типологии «организованных» и «дезорганизованных» преступников. Организованный преступник планирует преступления, выбирает жертв, контролирует ситуацию, оставляет место преступления упорядоченным, дезорганизованный действует импульсивно и оставляет место преступления хаотичным. Позднее школа ФБР добавила третью, «смешанную» категорию; однако в профиле 1988 года Дуглас не относил Потрошителя к определённой категории, а описывал его через совокупность поведенческих черт.

Сильная сторона метода состоит в опоре на эмпирические данные: выводы основаны не на интуиции, а на обобщении наблюдений за реальными преступниками, и потому в принципе проверяемы.

Ограничение метода — отказ от объяснительного уровня. Дуглас сознательно ограничивается описанием: его типология отвечает на вопрос «как действовал преступник», но не на вопрос «почему». Это методологическая позиция: школа ФБР строила профиль как инструмент сужения круга поиска, а не как объяснительную модель. У этой позиции есть методологическая цена: профиль не реконструирует мотивацию и не позволяет понять, почему преступник извлекал органы, почему сложность манипуляций нарастала, почему серия прекратилась. Отказ от объяснения оставляет профиль без критерия существенности признаков.

К этому добавляется ошибка выжившего: выборка состо-

ит из пойманных преступников, тогда как оставшиеся неразоблачёнными могли действовать иначе.

Таким образом, Дуглас даёт эмпирически обоснованную, но описательную модель. Его профиль ценен как независимый источник для сопоставления, но не как методология объяснения и не как воспроизводимый фильтр.

1.2.3. Бухановский: психиатрия без формализованного фильтра

Метод А.О. Бухановского, разработанный в 1980-х годах и применённый в деле А. Чикатило, основан на клинической диагностике: он предполагает поиск не «типа» преступника, а конкретных психических механизмов, лежащих в основе поведения.

Философия метода состоит в том, что поведенческие следы преступления являются проекцией личностных характеристик. Выбор жертвы, способ убийства, характер повреждений, последовательность действий не случайны. Задача профайлера — прочесть эти следы и реконструировать личность.

Бухановский не оставил формализованного описания процедуры, подобного учебникам ФБР. По доступным описаниям его работы она реконструируется как последовательность четырёх этапов: сбор и систематизация данных; выявление устойчивых паттернов; реконструкция мотивации

онных доминант; построение социально-психологического профиля. Эта реконструкция является интерпретацией, а не схемой, оставленной самим Бухановским.

Сильная сторона метода — клиническая глубина и оперативная направленность. Метод реконструирует не только поведение, но и мотивацию; он был разработан как инструмент сужения круга поиска: проспективный портрет по делу Чикатило включал биологические, социальные, профессиональные и психологические характеристики и использовался следствием для отбора кандидатов.

Ограничение метода — отсутствие формализованного фильтра. Бухановский разводит описание и объяснение, но не задаёт набора явных, независимо проверяемых критериев, по которым другой исследователь мог бы исключить кандидата. Проверка возможна только через клиническую интерпретацию — через того же специалиста или его школу. Метод сужает поиск, но не делает процедуру отсева воспроизводимой. Кроме того, он разработан для работы с живым подозреваемым и оперативными материалами; применение к историческому материалу усиливает риск ретроспективной подгонки.

Таким образом, Бухановский даёт клинически глубокий, оперативно ориентированный метод, в котором разведены описание и объяснение, но фильтр не формализован; метод не переносится на исторический материал без адаптации.

1.3. Разные дефекты — один результат

Ограничения трёх подходов различны. Бонд смешивает описание с объяснением. Дуглас сознательно отказывается от объяснения и страдает ошибкой выжившего. Бухановский разводит описание и объяснение, но не формализует процедуру отсева.

При этом у них общий практический результат: ни один из трёх подходов не обеспечивает воспроизводимой процедуры отсева, которую независимый исследователь мог бы применить к кандидату и получить проверяемый результат. У Бонда процедура отсутствует; у Дугласа есть типология, но нет критерия существенности признаков; у Бухановского процедура реконструируема, но не формализована и не воспроизводима независимым исследователем. Разными путями подходы приводят к одному: профиль остаётся экспертным суждением, не проверяемым внешним образом.

Это подводит к различению двух вопросов.

Первый: каким должен быть преступник, чтобы совершить серию и остаться неразоблачённым? На этот вопрос существует относительно объективный ответ. Он основан на данных о повреждениях, топографии, материальных условиях и негативных доказательствах и не зависит от представлений о личности преступника — только от того, что преступник должен был уметь, где жить и к чему иметь доступ.

Второй: почему преступник действовал именно так? Ответ на этот вопрос интерпретативный. Он основан на клинических моделях, которые не проверяются независимо от биографии преступника, и зависит от теоретической рамки исследователя.

Смешение этих вопросов — или отказ от одного из них — приводит к тому, что профиль используется либо как объяснение без фильтра, либо как описание без критерия существенности (или как то и другое вместе), но не как воспроизводимый фильтр. Кандидат, не соответствующий клиническому шаблону, отсеивается не потому, что материально не мог совершить преступление, а потому, что не соответствует ожидаемому образу; кандидат, соответствующий шаблону, принимается как вероятный, хотя его материальная возможность не проверена. Эта подмена лежит в основе большинства спекулятивных версий: они отбирают кандидатов по психологическому правдоподобию, не проверяя материальную возможность.

1.4. Решение: поисковый профиль и психологическое объяснение

Решение состоит в разграничении двух уровней анализа. **Поисковый профиль** — реконструкция необходимых условий, которым должен соответствовать неизвестный преступник, чтобы совершить серию и остаться неразоблачён-

ным. Это не дедукция в строгом смысле, а реконструкция: если преступник совершил X и не был пойман, он должен был мочь Y. Реконструкция опирается на относительно устойчивые и документально фиксируемые данные: характер повреждений, топографию, материальные условия, негативные доказательства. Эти данные не являются «чистыми фактами» — коронерские отчёты содержат интерпретацию, топография предполагает выбор масштаба, негативные доказательства формулируются в терминах ожиданий — однако они менее теоретически нагружены, чем клинические модели, и перепроверяемы по документам.

Поисковый профиль не объясняет мотивацию. Его задача — отсеб: сузить круг кандидатов до категории, внутри которой поиск имеет смысл. Он функционирует как фильтр, проверяющий материальную возможность, а не психологическое правдоподобие.

Психологическое объяснение — реконструкция мотивационной структуры, личностных характеристик, клинического паттерна. Оно опирается на клинические методы школы Бухановского и на эмпирические данные школы Дугласа — не на её объяснительную модель, которой нет, а на корреляции и паттерны, дающие материал для объяснения, но не заменяющие его. Психологическое объяснение не является инструментом отсева: оно объясняет, почему преступник действовал именно так, но не позволяет исключать кандидатов по формальным критериям.

Разделение является аналитическим, а не онтологическим. В реальности материальная возможность и мотив связаны: определённый мотив может требовать определённых условий, а материальные ограничения могут отсекают мотивы. Уровни разводятся не потому, что они независимы, а потому, что для верификации их необходимо рассматривать по отдельности. Поисковый профиль, очищенный от психологии, может упустить параметры, следующие из мотивационной структуры; это сознательная цена за проверяемость.

Разделение даёт несколько преимуществ.

Верифицируемость. Каждый параметр поискового профиля основан на документально зафиксированных данных и может быть перепроверен независимым исследователем. Психологическое объяснение на такую проверку не претендует.

Меньшая зависимость от теоретических предпочтений. Поисковый профиль меньше зависит от психологической парадигмы исследователя, чем клиническая интерпретация. Это снижает — хотя и не устраняет — риск подгонки под ожидаемый ответ.

Фальсифицируемость. Необходимо различать два уровня. Кандидат фальсифицируем относительно профиля: несоответствие хотя бы одному параметру исключает его. Сам профиль фальсифицируем не автоматически: если он построен на ошибочной интерпретации повреждений или неверной топографической реконструкции, он будет исклю-

чать правильных кандидатов и пропускать неправильных, и это не будет замечено, поскольку критерий проверки — сам профиль. Фальсифицируемость профиля требует отдельного обеспечения: проверки каждого параметра по первичным документам и независимой экспертизы коронерских отчётов.

Системность. Профиль работает как конъюнкция необходимых условий: несоответствие хотя бы одному параметру исключает кандидата. Жёсткость фильтра является его преимуществом: она обеспечивает воспроизводимость отсева. Многомерность профиля повышает разрешающую способность фильтра за счёт того, что каждый параметр независимо проверяем по документам, — при условии, что каждый параметр действительно является необходимым; иначе многомерность оборачивается риском ложного исключения. Поэтому параметр, который не может быть обоснован как необходимое условие, в профиль не включается.

Поисковый профиль не обобщает биографии известных преступников — он реконструирует необходимые условия, вытекающие из материальных обстоятельств преступлений. Вопрос о том, что физически требовалось, чтобы совершить эти преступления и не быть пойманным, не тождествен вопросу о том, что делали пойманные преступники. Первый выводится из характера повреждений, топографии и гигиенических условий; второй — из выборки. Поэтому ошибка выжившего к поисковому профилю не относится.

Дисциплина построения удерживает его в этом режиме: каждый параметр выводится из материальных обстоятельств конкретных эпизодов — повреждений, топографии, гигиенических условий — а не из обобщённых характеристик известных преступников. Параметр, который нельзя обосновать ссылкой на документ или на физическую необходимость, в профиль не включается.

Рапорт Бонда предвосхищает принцип, лежащий в основе поискового профиля: поведение на месте преступления отражает личностные характеристики. Разделение уровней Бонд не проводил — он их смешивал. Оно представляет собой новацию настоящей работы, а не развитие Бонда.

Границы притязания: поисковый профиль описывает категорию, к которой должен принадлежать кандидат, а не конкретное лицо. Окончательный вывод требует сопоставления с другими линиями — патолого-анатомической, топографической, лингвистической, психологической. Профиль задаёт рамку, внутри которой это сопоставление имеет смысл.

1.5. Выводы

До идентификации преступника не существует независимой процедуры проверки профиля как целого. Проверка отдельных параметров возможна, ретроспективная оценка возможна, но первая не подтверждает целое, а вторая уязвима для подгонки. Ни один из трёх рассмотренных подходов не

обеспечивает воспроизводимой процедуры отсева: у Бонда процедура отсутствует, у Бухановского она реконструируема, но не формализована, у Дугласа есть типология, но нет критерия существенности признаков. Профиль остаётся экспертным суждением, не проверяемым внешним образом.

Решением может быть разграничение двух уровней — поискового профиля и психологического объяснения. Поисковый профиль реконструирует необходимые условия и работает как фильтр; психологическое объяснение реконструирует мотивацию и работает как интерпретация. Такое разграничение позволяет построить профиль, который поддаётся проверке в большей степени, чем клиническая интерпретация.

Разграничение остаётся аналитическим: в реальности материальная возможность и мотив связаны, но для верификации их необходимо рассматривать по отдельности. Поисковый профиль опирается на относительно устойчивые и документально фиксируемые данные, а не на «чистые факты». Фальсифицируемость кандидата относительно профиля не эквивалентна фальсифицируемости самого профиля — последняя требует проверки каждого параметра по первичным документам и независимой экспертизы. Ошибка выжившего к поисковому профилю не относится при условии дисциплины построения. Поисковый профиль не идентифицирует преступника: он описывает категорию и служит инструментом отсева, а не идентификации.

Глава 2. Дело Потрошителя как уникальная лаборатория

2.1. Постановка вопроса

Уайтчепельское дело занимает в криминалистической литературе положение, которое редко учитывается. Это не просто нераскрытое преступление — это единственное известное автору дело, в котором три психологические реконструкции характеристик неизвестного преступника были выполнены в разные эпохи, разными методами и разными специалистами. Такая конфигурация делает дело не только историческим казусом, но и естественной лабораторией: если три реконструкции, построенные на разных основаниях, дают согласованные результаты, это позволяет судить об устойчивости реконструкции — хотя, как показано ниже, совпадение может объясняться и общностью исходных данных, а не только валидностью методов.

Здесь необходимо сразу оговорить терминологию. Речь идёт о трёх **психологических** реконструкциях — то есть о попытках восстановить характеристики преступника: личность, мотивацию, поведенческие черты. Глубина этих реконструкций различна: Бонд приписывает мотив, Дуглас

описывает, Бухановский объясняет. Это не то же самое, что **поисковый профиль**, который строится в настоящей работе. Поисковый профиль — реконструкция необходимых условий, которым должен соответствовать преступник, чтобы совершить серию и остаться неразоблачённым; он не объясняет мотивацию и работает как фильтр. Три психологические реконструкции, о которых пойдёт речь, служат для поискового профиля внешними ориентирами: они позволяют проверить, согласуется ли построенный профиль с независимыми попытками понять того же преступника.

Лабораторная аналогия здесь не только метафора: она указывает на структурное сходство между историческим материалом и экспериментом. В естественных науках лабораторный эксперимент ценен тем, что позволяет проверить гипотезу в контролируемых условиях, где известны переменные и независимые источники ошибки. Уайтчепельское дело предоставляет нечто подобное: материал фиксирован (коронерские отчёты, полицейские рапорты, топография), а реконструкции выполнялись с разной степенью независимости, что позволяет оценить, насколько результат зависит от метода, а насколько — от материала.

Разумеется, аналогия имеет пределы. Лаборатория предполагает возможность повторного эксперимента с изменением условий; исторический материал такой возможности не даёт. Реконструкции не воспроизводятся заново — они уже выполнены и зафиксированы в текстах. Поэтому речь идёт

не о полноценном эксперименте, а о квазиэкспериментальной ситуации: три попытки, выполненные в разных условиях, позволяют судить о том, что в результате принадлежит методу, а что — объекту.

2.2. Три точки проверки

Первая точка — рапорт доктора Томаса Бонда, датированный 10 ноября 1888 года. Бонд был полицейским хирургом Вестминстера, лично осмотрел тело последней жертвы и изучил записи вскрытий предыдущих жертв. Его рапорт представляет собой не судебно-медицинское заключение в узком смысле, а попытку реконструкции характеристик неизвестного преступника на основе поведенческих и патолого-анатомических данных. Бонд работал непосредственно с материалом, в условиях, когда преступник был жив и подлежал розыску; его выводы не были ретроспективными в том смысле, в каком ретроспективны последующие реконструкции.

Вторая точка — профиль Джона Дугласа, составленный в 1988 году по заказу для документального фильма. Дуглас — специальный агент ФБР, один из основателей Подразделения поведенческих наук — опирался не на клиническое наблюдение, а на эмпирическое обобщение: интервью с осуждёнными серийными убийцами и систематизацию их поведенческих паттернов. Он не имел доступа к телам жертв и

работал с опубликованными материалами дела, но привнёс методологию, которой в 1888 году не существовало.

Третья точка — реконструкция, выполненная с использованием подхода А.О. Бухановского. Бухановский разработал метод клинической реконструкции мотивационной структуры преступника по поведенческим следам и применил его в деле А. Чикатило; к уайтчепельскому материалу этот метод был адаптирован в настоящей работе. Это отличает третью точку от первых двух: Бонд и Дуглас работали независимо от настоящего исследования, тогда как третья точка представляет собой его собственный результат. Это различие принципиально и должно быть учтено при оценке сопоставления: первые две точки служат внешними ориентирами, третья — проверяемой гипотезой.

Степень независимости трёх точек различна. Бонд работал независимо от последующих реконструкций: в 1888 году ни Дугласа, ни Бухановского не существовало как методологических традиций. Дуглас работал с опубликованными материалами дела, и рапорт Бонда входил в этот корпус; он мог знать о выводах Бонда, хотя и не обязан был с ними соглашаться. Третья точка, как уже сказано, выполнена в настоящей работе с оглядкой на первые две. Поэтому «независимость» здесь — величина не абсолютная, а градуальная: максимальна у Бонда, ограничена у Дугласа, условна у третьей точки. Это ограничение подробно рассматривается ниже.

Первая и вторая точки разделены столетием — 1888 и

1988; третья отделена от второй десятилетиями. В совокупности три точки охватывают более чем столетний интервал. Они выполнены на разных основаниях: клиническое наблюдение, эмпирическая типология, клиническая реконструкция мотивации. Они опираются на разные дисциплинарные традиции: полицейская хирургия, поведенческий анализ, психиатрия. Это делает сопоставление содержательным: совпадение результатов не может быть объяснено простой общностью метода, поскольку методы различны.

2.3. Независимость точек и её границы

Степень независимости трёх точек неодинакова, и её границы следует обозначить.

Первое ограничение — общность материала. Все три реконструкции опираются на один и тот же корпус источников: коронерские отчёты, полицейские рапорты, свидетельские показания, топографические данные. Согласованность результатов может объясняться не валидностью методов, а общностью исходных данных: если все три реконструкции читают один и тот же текст, они могут прийти к схожим выводам независимо от метода. Это ограничение неустранимо, но оно не обесценивает сопоставление: оно лишь требует точности в интерпретации — совпадение свидетельствует о согласии интерпретаций, а не о доказанности реконструкции.

Второе ограничение — асимметрия доступа. Бонд имел прямой доступ к телам жертв и к материалам вскрытий; Дуглас работал с опубликованными источниками; реконструкция с использованием подхода Бухановского выполнена на вторичных источниках. Эта асимметрия означает, что расхождения между точками могут объясняться не только различием методов, но и различием доступа к материалу.

Третье ограничение — ретроспективность. Бонд работал в ситуации, когда преступник был жив и подлежал розыску; его выводы имели оперативное значение. Дуглас и реконструкция с использованием подхода Бухановского работают ретроспективно, с материалом, который уже интерпретирован предшествующей историографией. Это создаёт риск неосознанного воспроизведения существующих интерпретаций, даже при независимом методе.

Четвёртое ограничение — знание о предшественниках. Дуглас работал с опубликованными материалами дела, включая рапорт Бонда; он мог знать о выводах Бонда и, сознательно или нет, отталкиваться от них. Третья точка выполнена в настоящей работе с оглядкой на обе предшествующие. Полной независимости, таким образом, нет ни у второй, ни у третьей точки; она есть только у Бонда, который работал до того, как традиция сложилась.

Пятое ограничение — статус третьей точки. Она представляет собой результат настоящей работы, а не внешний ориентир. Поэтому сопоставление первых двух точек между

собой имеет большую доказательную силу, чем сопоставление каждой из них с третьей: совпадение Бонда и Дугласа не зависит от настоящего исследования, тогда как совпадение любого из них с реконструкцией, выполненной с использованием подхода Бухановского, может объясняться тем, что реконструкция выполнялась с оглядкой на них.

Эти ограничения не делают лабораторию бесполезной. Они делают её именно лабораторией, а не судом: сопоставление позволяет выявить расхождения и оценить устойчивость реконструкции, но не доказывает её правильность. Степень независимости — не абсолютная величина, а градуальная; соответственно, и выводы из сопоставления имеют разную силу: совпадение Бонда и Дугласа весомее, чем совпадение каждого из них с третьей точкой.

2.4. Что даёт сопоставление

Сопоставление трёх точек может дать три типа результата, и каждый имеет самостоятельную ценность.

Совпадение по ключевым параметрам. Если все три реконструкции сходятся в описании социального облика, поведенческих характеристик или пространственной привязанности преступника, это свидетельствует о том, что соответствующие параметры не являются артефактом метода. Они фиксируются разными инструментами и разными исследователями, работавшими в разных традициях. Такое

совпадение повышает доверие к реконструкции, хотя и не доказывает её: оно подтверждает согласие интерпретаций, а не истинность. Сила этого доверия зависит от степени независимости точек: чем меньше они могли влиять друг на друга, тем весомее совпадение.

Расхождение по ключевым параметрам. Если реконструкции расходятся — например, в оценке возраста, профессии или мотивации, — это указывает на границы метода. Расхождение может объясняться различием оснований: Бонд работал с клиническим наблюдением, Дуглас — с эмпирической типологией, реконструкция с использованием подхода Бухановского — с клинической моделью мотивации. Там, где методы дают разные результаты, ни один из них не может претендовать на окончательность; расхождение фиксируется как открытый вопрос.

Молчание одной из точек. Если параметр, существенный для одной реконструкции, отсутствует в другой, это также информативно. Бонд, например, не рассматривал пространственную привязанность преступника; Дуглас не рассматривал анатомические навыки в той же степени, в какой их рассматривал Бонд. Молчание одной точки не означает, что параметр нерелевантен; оно означает, что данный метод его не фиксирует. Это позволяет очертить область применимости каждого метода.

Сопоставление, таким образом, не сводится к проверке одной реконструкции другой. Оно представляет собой срав-

нение трёх интерпретаций одного материала, выполненное с разными методологическими установками, и его результат — не приговор, а карта совпадений, расхождений и пробелов.

2.5. Почему это делает кейс идеальным для демонстрации метода

Уайтчепельское дело обладает несколькими свойствами, которые делают его удобным материалом для демонстрации поискового профиля.

Материал фиксирован и общедоступен. Коронерские отчёты, полицейские рапорты, свидетельские показания и топографические данные опубликованы в фундаментальных исторических трудах и не требуют доступа к закрытым архивам. Это означает, что реконструкция может быть проверена независимым исследователем по тем же источникам.

Материал хорошо изучен. Историография дела насчитывает более столетия; фактологическая картина устоялась. Новые архивные находки, способные принципиально её изменить, маловероятны. Это снижает риск того, что реконструкция будет опрокинута новыми данными, и позволяет сосредоточиться на методологии.

Материал содержит как позитивные, так и негативные данные. Помимо сведений о повреждениях, топографии и обстоятельствах обнаружения тел, дело содержит об-

ширный корпус отсутствующих признаков — следов, которые должны были бы присутствовать при альтернативных сценариях, но не зафиксированы. Это делает возможным построение поискового профиля не только на том, что есть, но и на том, чего нет.

Дело содержит три психологические реконструкции. Как показано выше, это позволяет сопоставить результаты, полученные на разных основаниях, и оценить устойчивость реконструкции. Автору не известно другого нераскрытого преступления, по которому были бы выполнены три психологические реконструкции, разделённые более чем столетием и выполненные в разных дисциплинарных традициях. Это не означает, что такого дела не существует; это означает, что в доступной автору литературе подобная конфигурация не описана.

Дело имеет культурную нагрузку, которую можно контролировать. Уайтчепельское дело обросло множеством спекулятивных интерпретаций, коммерческих версий и конспирологических конструкций. Это создаёт риск неосознанного воспроизведения существующих нарративов. Однако тот же факт делает дело удобным для демонстрации метода: поисковый профиль позволяет отсеять версии, не соответствующие материальным условиям, и тем самым показать, что метод работает не только в стерильных условиях, но и в среде, насыщенной шумом.

Эти свойства не делают дело уникальным в смысле невоз-

возможности применения метода к другим материалам. Они делают его удобным для первого применения: материал доступен, хорошо изучен, содержит достаточное количество данных для построения профиля и позволяет проверить результат через сопоставление психологических реконструкций.

2.6. Ограничения лаборатории

Лабораторная аналогия имеет пределы, и их следует обозначить.

Невозможность повторного эксперимента. Исторический материал не позволяет провести повторную реконструкцию с изменением условий. Три точки проверки уже выполнены и зафиксированы; исследователь не может поставить новый эксперимент, он может лишь сопоставить существующие.

Отсутствие контрольной группы. В естественных науках эксперимент предполагает контрольную группу, относительно которой оценивается эффект. В историческом материале контрольной группы нет: невозможно сравнить реконструкцию с «нулевой» гипотезой, построенной на том же материале без применения метода.

Зависимость от качества источников. Коронерские отчёты и полицейские рапорты 1888 года не всегда полны; описания повреждений могут быть неполными, данные о жилищных условиях и профессиональной структуре района

— приблизительными. Качество реконструкции ограничено качеством источников.

Риск ретроспективной интерпретации. Исследователь, знающий результат, может неосознанно интерпретировать данные в пользу ожидаемого ответа. Этот риск неустрашим полностью, но может быть снижен через дисциплину построения: каждый параметр должен выводиться из материальных обстоятельств конкретных эпизодов, а не из обобщённых характеристик известных преступников.

Культурно-историческая дистанция. Методы, разработанные в XX веке, применяются к материалу XIX века. Культурные, социальные и исторические различия могут влиять на проявление поведенческих паттернов. Применение методов к историческому материалу возможно лишь при допущении, что базовые психические механизмы в определённой степени универсальны; это допущение, а не доказанный факт, и оно требует осторожности в интерпретации.

Эти ограничения не отменяют ценности лаборатории. Они определяют, какие выводы из неё можно сделать: сопоставление трёх точек позволяет оценить устойчивость реконструкции и очертить границы метода, но не позволяет утверждать, что реконструкция доказана.

2.7. Выводы

Уайтчепельское дело представляет собой квазиэкспери-

ментальную ситуацию, редкую в криминалистической историографии. Три психологические реконструкции характеристик неизвестного преступника — Бонд (1888), Дуглас (1988) и реконструкция с использованием подхода Бухановского (настоящая работа) — выполнены на разных основаниях, в разных дисциплинарных традициях и с разной степенью независимости. Это позволяет сопоставить результаты и оценить, что в них принадлежит методу, а что — объекту.

Степень независимости точек градуальна, а не абсолютна: Бонд работал до того, как сложилась традиция; Дуглас мог знать о рапорте Бонда; третья точка выполнена с оглядкой на обе предшествующие. Кроме того, все три опираются на один и тот же корпус источников, а доступ к материалу асимметричен. Эти ограничения делают лабораторию именно лабораторией, а не судом: сопоставление выявляет совпадения, расхождения и пробелы, но не выносит приговор.

Дело удобно для демонстрации поискового профиля по нескольким причинам: материал фиксирован и общедоступен, хорошо изучен, содержит как позитивные, так и негативные данные, обладает тремя психологическими реконструкциями и, наконец, насыщено культурным шумом, который метод должен отсеять. Эти свойства не делают дело единственным возможным материалом, но делают его удобным для первого применения метода.

Ограничения лаборатории — невозможность повторного эксперимента, отсутствие контрольной группы, зависимость

от качества источников, риск ретроспективной интерпретации и культурно-историческая дистанция — определяют, какие выводы из неё можно сделать. Сопоставление трёх точек позволяет оценить устойчивость реконструкции и очертить границы метода, но не позволяет утверждать, что реконструкция доказана. Именно в этом состоит её ценность: она даёт не приговор, а карту совпадений, расхождений и пробелов, внутри которой последующий анализ имеет смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.